

Предисловие.

Как можно оценить прожитую жизнь? Ответ прост... Всего-то, нужно лишь взглянуть на нее со стороны. Этим я сейчас и занимаюсь. В этой темноте, где нет ничего... Ни холода, ни тепла, ни верха, ни низа, абсолютное ничто... Лишь твои воспоминания, и твое собственное я...

Зовут меня Виктор Игоревич Светлов. Родился в обычной семье, будучи единственным ребенком. Сначала детский сад, потом школа. Затем первая любовь. Что действительно удивительно «здесь», так это смотреть на самые яркие свои воспоминания, проживать их вновь, но что печально, лишь единожды. Словно мотается кассета, которую невозможно отмотать назад. Из «ярких»: поход в первый класс, первый подаренный на день рождения велосипед. Помнится, мне тогда все мальчишки со двора завидовали, а я был на седьмом небе от счастья. Потом по мере взросления пришла первая любовь. Не та, которая бывает в детстве, когда ты толком и не можешь ничего объяснить, лишь просто ныряешь в эти чувства и просто тонешь в них. Нет, пришла именно та, когда ты уже чувствуешь человека, уже становятся не важны слова, вы и так понимаете друг друга. Практически сразу после школы, я поступил в училище, а там призвали в армию, а по возвращению я передумал доучиваться потому что женился на своей второй половинке, а работы в стране и так хватало. Поступил в университет на лечебное дело, решил стать хирургом. Толчком к этому решению была смерть моей жены при родах, дочь выжила, и стала моей последней искрой в этой жизни. Последним напоминанием, о том, что я любил, и люблю. Это было моим самым ярким воспоминанием в жизни. Те двойственные чувства в тот момент. Когда ты держишь маленькую кроху на руках, и ты безмерно счастлив, но твою душу рвет на части от горечи утраты жены. В этих эмоциях и чувствах можно было спятить, но я держался, я понимал, что у меня есть дочь, которой необходим заботливый отец, а не пьяный горюющий по утрате человек. Не отрицаю, было время, когда я натурально перебарщивал с алкоголем, и мне за это стыдно. Совмещать учебу и работу с графиком растущей не по дням а по часам дочери – трудно, очень трудно. Но я мужался, и стойко переносил все тяготы. Каждая свободная минута, да что там, каждая секунда была посвящена дочери. Время летело незаметно, словно кто-то щелкая пальцами перелистывал года. Так я и не заметил, как моя дочь уже выросла, влюбилась и вышла замуж. И родила моего внука, а еще через год второго. Как я тогда переживал, что на первых родах, что на вторых. Немеренное количество валерианы, и пару очень дорогих успокоительных. Я боялся самого непоправимого, повторения судьбы. Но все обошлось. И я несказанно был рад этому. Внуки быстро росли, точно также, как и я старел. Снова кто-то щелкал пальцами, и отлистывал страницы жизни в года. На профессиональном фронте я стал очень известным человеком. Хирургом, с большой буквы. Я был универсалом, не заикливался на чем-то одном, ни на нейро- хирургии, ни на кардио-, ни на другой какой-то сфере, да чего так греха таить, даже роды принимал. Всему этому виной была моя утрата. Горечь утраты, всегда давила на меня тяжким грузом. Я хотел помочь всем, и быть везде. Я не хотел, чтобы хоть кто-то, испытывал то же, с чем живу я. Всем не помочь, и всех не спасти, именно так мне говорила жизнь. Но я стремился к своей цели. Чтобы стать универсалом, я временами утопал в книгах, читал диссертации выдающихся умов, общался с коллегами, и я достиг, достиг небывалых высот. Но на закате жизни... Я осознал лишь одну вещь, которую мне поведал мой внук. Совсем просто, и незатейливо, именно так, как это делают дети. Он мне сказал, что он меня любит ни за то, что я спасал множество жизней, а просто за то, что я рядом, я его деда. Его слова, практически перевернули все мое мировоззрение. Оказывается я жил не для того, чтобы спасти чьи-то жизни, а просто, чтобы в конце понять, что мне ничего делать не надо, нужно просто, быть рядом. Свою старость я посвящал внукам, вместе с ними смотрели их любимые

мультфильмы, учились читать сказки, рисовать, слушать истории. Как-то быстро пролетело время и я понял, что внукам уже заканчивать школу скоро. Время, вот судья всего сущего. И мое время тоже пришло, я умер, тихо и безболезненно, просто остановилось сердце во сне. Мне было шестьдесят два. А теперь я тут, закончил «просматривать» свою жизнь, в этом «ничто».

Как только «сеанс» просмотра окончился, я почувствовал, что меня тянет куда-то в сторону. Словно бы ты падаешь, но твое падение направляется уверенной рукой. Сколько я так падал, я не знаю, но итог я не пропустил, им оказалась ярчайшая вспышка белого цвета. Пришла даже мысль: "Ну и где туннель, который так яро описывают все ступившие однажды за черту?"

Глава 1.

Вспышка, становилась все ярче и ярче, казалось, что будь у меня глаза - ослеп бы к чертям. Но в какой-то момент все пошло на спад. Свет становился все тише и тише. Потом начал появляться писк, который со временем перетек в отдельные звуки. Стали слышны звуки природы. Шелестел ветер в листве, чирикали какие-то птахи, звуков становилось все больше и больше. Потом я услышал дыхание, даже сопение, оно принадлежало мне. Это я понял сразу же, как только сделал осознанный вдох. Я открыл глаза, и тут же поднял голову. Я сидел за маленьким и круглым столиком. На нем были разложены какие-то бумаги и кисточки, ванночка с черной жижей, и местами виднелись множество клякс из этой самой жижи. Напротив столика сидела молодая женщина. Первое что бросалось в глаза, это ее волосы и глаза. Волосы ярко-красного цвета длиной до середины спины, и изумительного цвета зеленой живой природы глаза. Мягкие черты лица, аккуратный носик, и улыбка, мягких даже на вид розовых губок. Улыбка была наполнена таким количеством тепла, что аж перебило дыхание. Девушка одним словом была просто потрясающе красивой. Она смотрела прямо в мои глаза, а я, я просто забыл, как дышать. Но меня отвлек мужчина, который вышел из-за бумажной ширмы и присел рядом с этой девушкой. Он выглядел очень мужественно. Было заметно, что он немного старше девушки, хоть и немного, но заметно. У него были такие же красные волосы, только собраны в хвост на макушке и заметно короче. Такие же зеленые глаза, только взгляд, более, колючий что ли, более пристальный, но с небольшими оттенками теплоты, направленной в мою сторону. Конечно не сравнить с улыбкой девушки, которая просто лучилась ей, но все же. Мужчина был очень громоздким, сила прямо полыхала вокруг него, своими размерами он подавлял. Он был почти в два раза шире девушки, и выше на голову, хоть они и оба сидели. Они оба были одеты в японскую одежду, женщина в изумрудно зеленую юкату с широким красным поясом, почти на весь живот, а мужчина был одет лишь в зеленые штаны, а сверху было накинуто красное хаори с белой подкладкой на голое тело. Мозг начал потихонечку скрипеть и постепенно собирать информацию об окружающей обстановке. Мы находились в старинном доме в японском стиле. Те самые бумажные стены с красивыми рисунками деревьев и рек, летящих аистов, гор, и закатного солнца, которое за ними прячется. Хоть это все и было нарисовано лишь черным цветом, на бумаге серо-розового цвета в мягких тонах, красоты изображенного это ничуть не умаляло. Каждый кусочек, примерно в метр шириной и высотой от пола и до потолка, был обрамлен в красивые и тонкие рамки из темного дерева. Слева от столика стояла большая деревянная кровать с шелковыми простынями все того же зеленого цвета и с белыми подушками, на покрывале было видно край изображенного на нем дерева сакуры. Прямо за спиной этой молодой семьи, а судя по тому, как девушка прижалась к мужчине, а тот ее приобнял, это понял бы и дурак, находился вход в дом, двери, а точнее панели, были распахнуты так, что в них спокойно бы прошли двое таких же мужчин. Было видно небольшую веранду шириной метра в два, и во все том же японском стиле столбики подпирающие крышу и декоративный низенький заборчик, с пробелом для входа в дом. Видно также небольшой двор, с высоким забором и одиноко стоящим пушистым деревом

высотой метра в три-четыре. Казалось бы прошло всего-то пол минуты, а эмоций получено прямо через край. Все детали этого дома были на своем месте, каждая по отдельности и все вместе составляли картину уюта, тепла и защищенности. Но налюбоваться мне этим не дали.

Мужчина отвел от меня взгляд в сторону выхода, а потом повернулся к девушке, но уже со сдвинутыми бровями в кучу и с серьезным взглядом что-то ей мягко проговорил. Она тоже отвела от меня взгляд и посмотрела ему в глаза и еле заметно кивнула. Мужчина встал и пошел на выход. На веранде он поднял что-то типа закрытых тряпичных сандалий и быстро их надел. Тем временем девушка взяла меня на руки и села так, чтобы нам обоим было видно, что происходит во дворе. И только тут до меня дошло что я... какой-то маленький, точнее ребенок. Но меня снова отвлекли от происходящего, втягивая в события происходящие вокруг, не давая все обдумать. Мужчина что-то властно проговорил не отводя взгляда от забора, а потом вытянул левую руку в сторону с растопыренной пятерней и показал что-то типа «отходите назад». Девушка встала вместе со мной на руках и отсела в дальний от входа угол комнаты так, чтобы мы с ней по прежнему видели происходящее во дворе. Мужчина начал что-то яростно кричать, потом он что-то сделал перед собой руками и щелкнул пальцами правой руки. Весь двор приобрел розовый цвет, словно мы смотрели через цветное стекло, а потом он пошел на убыль и розовый цвет, словно выцветая, пропал. Девушка крепче сжала меня и ощутимо напряглась. Потом произошло то, чего я никак не ожидал. Сначала мужчина отвел правый край хаори у пояса и медленно вытянул с пояса клинок. Он был похож на катану, только у него не было изгиба, клинок был абсолютно прямым с односторонней заточкой. На его зеленой с красным ручке из навершия выходила небольшая цепочка длиной в ладонь. Клинок был очень красив. Тем временем мужчина отпрыгнул в сторону, да так сильно, что перелетел весь двор, хоть он и был небольшим, но метров семь на семь был точно, и тут на тебе, в один прыжок и прямо возле дома. Двери забора взорвались осколками дерева, все что не взорвалось, то горело. Красноволосый, тем временем, просто убрал левую руку от лица, который прикрыл глаза на момент взрыва. А меня сжали еще сильнее. В пятиметровую брешь в заборе проскочили трое людей в черных одеждах. У всех были замотаны головы белой тканью так, что были видны лишь глаза. Все трое держали оружие наголо. Двое с короткими ножами типа танто, а третий с треугольными ножами в каждой руке. Красноволосый что-то яростно проговорил, ему отвечал один из тройки, что стоял посередине. По их глазам и бросаемым взглядам в нашу сторону с девушкой и какими-то комментариям, стало понятно, что пришли они именно за нами. Мужчина не стал ждать, пока они договорят и атаковал среднего на полуслове. Мгновение, и они стоят друг на против друга со скрещенными клинками и от них брызгает сонм искр. Двое крайних отпрыгнули в стороны. И что тут началось... Они то исчезали, то появлялись, всюду что-то взрывалось, дрожала земля, свистели раскаты грома, огромные куски земли летали в разные стороны. Когда некоторые из них летели в стороны дома, то они прямо в воздухе и натыкались на что-то вроде стекла и опадали вниз. Феерия звуков битвы и взрывов слились в общую какофонию, и от этого стало действительно жутко. Уши закладывало от взрывов и криков с воплями сражающихся. Потом снова задрожала земля и что-то рвануло поистине ужасающее. Все предыдущие взрывы не шли ни в какое сравнение с этим взрывом. Как только раскаты взрыва отгремели и стихли, стихло и все вокруг. Везде чадил дым, где-то потрескивал горящий забор. Секунда тишины, и перед входом в дом материализовался один из тройки напавших. Вид у него был ужасным. Левая рука истекала кровью со всех сторон и висела неподвижной плетью, лишь в такт шагам покачиваясь, как и ее хозяин. Все его тело тоже было изранено, местами виднелись прожжённые дыры на одежде и яркий пример тяжелейших ожогов на этих местах. В правой руке он по прежнему уверенно держал свой танто и его взгляд красноречиво говорил, что он все еще опасен, смертельно опасен. Девушка, что сжимала меня в своих объятиях, лишь всхлипнула и посадила меня рядом с собой, а сама кинулась к кровати. Нырнув под нее она вытащила оттуда похожий танто, как и у напавших, и что-то спрятала у себя в декольте. Потом она резко вскочила и

подбежала прямо ко входу, где стоял выживший враг. Он тем временем что-то проговорил и дыхнул изо рта огнем. Меня сие действие повергло просто в шок, а представление не прекращалось. Выдохнув ревущим пламенем в четвертый раз, послышался звук разбивающегося стекла и мужчина тут же оказался напротив девушки. Мгновение, словно время погрузилось в кисель, а они замерли друг напротив друга. И вот время начало снова свой нормальный ход, но постепенно и плавно. Девушка попробовала ткнуть ткну мужчину в живот, но в том то и дело, что попробовала. Он одним движением выбил оружие у девушки, и вдруг замер. Он просто не ожидал того, что произойдет дальше. Как только клинок из руки девушки начал вылетать в сторону, она тут же кинулась к нему и обхватила его руками и вжалась в него так, как будто бы он был ее самым дорогим человеком в жизни. Мужик такого поворота явно не ожидал, и об этом красноречиво говорили его глаза-блюдца. Они снова замерли. Потом девушка что-то проговорила. Я разобрал лишь два слова. "Райто" и "аишите". Потом она еще сильнее вжалась в мужика и прокричала: - КАЦ! Лицо мужика претерпело поистине ужасающие метаморфозы, его глаза и так были охеревшие-огромные, то теперь он был близок к потере своих глаз, ибо куда уж шире. Это было последним, что я успел разглядеть, потом все поглотила вспышка взрыва.

Очнулся я в отвратном состоянии. На мне лежала добрая груда досок и панелей со стен, все вперемешку с черепицей с крыши. В ушах звенело так, что я думал, перепонки точно лопнули. Дышать было тяжело от мусора, придавившего меня сверху. Я начал откапываться. С горем пополам, и не без велико могучего мне это удалось. Осмотрев себя, на предмет отсутствия конечностей, отметил, что все было на месте. Только сильно болел левый бок, гудела голова и пара больших синяков на теле. Я решил выбираться. Проходя мимо места, где взорвалась девушка с мужиком, я застал очень неприятную картину. Груды досок и панелей, все что осталось стоять, колонны поддерживающие крышу и часть панелей, было увешано останками подорвавшихся. Все, абсолютно все было в крови и кусочках мяса. Я за всю свою жизнь и карьеру врача не видел такого ни разу. Мои руки предательски затряслись, стало сильно мутить, желудок стал изображать центрифугу. Последней каплей стали уцелевшие останки. Остались только ноги, что от девушки, что от мужика. Я выбежал в разрушенный двор и, еле спустившись с веранды, упал на четвереньки. Минут пятнадцать меня выворачивало, пока весь желудок не опустел окончательно. Весь мой опыт врача улетел в трубу. Сдержаться сил не было. Нужно было уходить, здесь людей режут как собак, взрывают друг друга, мимоходом разнося все вокруг. Я с трудом поднялся и побрел в сторону подорванного забора. Как только я вышел, меня снова начало мутить. Это была деревенька в пятнадцать-двадцать домов, всюду были люди. Мертвые люди. Всюду лежали части их тел, на их лицах застыли та агония и муки, что они испытывали перед смертью. Наш дом был с краю, я повернулся в сторону дороги, которая вела в лес. Нужно было идти отсюда, и как можно дальше. Идти было трудно. И морально, и физически. Оказалось, что моя левая нога тоже повреждена, только вот пока непонятно как именно, адреналин в крови делает свое дело, я ощутимо прихрамывал на левую ногу, хоть и боли не чувствовал. Метрах в двадцати от дома я понял куда делись двое нападавших и красноволосый. Один из нападавших был обезглавлен, а его голова валялась неподалеку от него. А второй лежал рядом с красноволосым, который воткнул в него свой клинок по самую рукоятку, и это при условии, что у красноволосого не было левой руки, начиная от шеи и до пояса. Судя по всему ее оторвало при взрыве, так как края раны были неровными. Меня снова замутило от картины трупов перед глазами, хоть я и глянул в сторону мельком, но картина врезалась в память просто намертво, все мелкие детали мог описать в точности. И от этого мутило еще сильнее. Место их боя было просто изувечено. Земля в гигантских ямах, местами горит, виднеются уже прогоревшие пяточки почвы, которые уже просто бессильно чадили прозрачным дымом. Часть дороги так же пострадала, но пройти мимо было можно без труда. Единственная мысль, которая загнанной птицей билась в моей голове на данный момент, это свалить отсюда, и свалить как можно дальше.

В кабинете Казекаге царила напряженная тишина. Ему доложили о прибытии выжившего с миссии по захвату женщины и ребенка и уничтожению шиноби S-класса, на которую было отправлено три команды по четыре джонина. А вернулся всего один. Да и в каком состоянии? Ноги еле переставляет, чакроистощение, еле-еле связывает слова, даже о миссии толком ничего доложить не может. Стыд! И это шиноби? Это джонин? Как можно было так завалить всю миссию? Сколько было потрачено сил на слежку, на подкупы, на медикаменты-усилители? И что? Все биджу в задницу свалили. Терпение каге великого селения песка лопнуло.

- Ко мне этого идиота!

- Казекаге-сама, он сейчас не в сос... - старейшину прервал стук удара о стол правителя.

- Я сказал, сюда его! Делайте с ним что хотите. Хотите наркотой накачивайте, хотите хоть его душу у шинигами зубами выгрызайте! У вас пятнадцать минут. – Рыча и сквозь зубы проговорил каге.

- Да, Казекаге-сама.

Старейшина щелкнул пальцами, и в углу комнаты закружился маленький вихрь песка, говорящий о использовании шуншина шиноби. Ровно через пятнадцать минут, в дверь постучали.

- Войдите! – еле слышно проговорил каге.

Но его услышали. Даже с другой стороны двери. Дверь распахнулась, и три ирьенина втащили почти бессознательное тело израненного шиноби. Дотащив его до середины комнаты, один из ирьенинов подошел спереди шиноби и сложив длинную серию печатей, засветившейся ладонью зеленым цветом, хлопнул того по лбу. Потом он развернулся к главе деревни и глубоко поклонился.

- Казекаге-сама, двадцать минут, потом он умрет, если ему не оказать дальнейшее лечение.

Казекаге лишь махнул рукой, выпроваживая ирьенинов. Два других, что держали шиноби, поставили приходящего в себя на ноги. Он уже мог самостоятельно стоять, техника ему в этом прекрасно помогала, сжигая все питательные вещества организма и превращая их в чакру. Как только их пациент сносно начал стоять, они поклонились главе и вышли.

- Докладывай! – прозвучал властный голос.

- Есть! Казекаге-сама. – промямлил шиноби.

Но с каждой секундой ему становилось чуть легче, техника делала свое черное дело. Его срок жизни резкими скачками прыгал на убыль.

- Три команды по захвату женщины и ребенка, а также устранение шиноби S-класса, согласно полученной информации являющиеся семьей, продвигались в селение Конохи. Цель следования в селение не выявлена. По предварительному плану было принято решение. Первая группа осуществляет захват и устранение. Вторая группа убивает свидетелей, всю деревню. Третья контролирует позицию и руководит отступлением в случае прибытия патрулей Конохи. План был принят и реализован. Миссия провалена. Сначала поступил сигнал о смерти группы контроля позиций. Еще через несколько минут вся группа захвата была

уничтожена. Я находился в группе устранения свидетелей. По окончании нашей части плана на нас напал патруль Конохи. Два джонина и шесть токубецу-джонинов. Из моей команды выбили ирьенина, потом специалиста по нин и тай, затем пал сенсор. Я остался один против двух токубецу, в ходе схватки был ранен, но убил противника. Затем выдвинулся на место захвата целей. По прибытию было установлено. Один из группы умер при разрушении внешнего барьера, оставшаяся тройка атаковала цель. Все погибли. Шиноби S-класса уничтожен, после устранения остался один джонин. Он проломил внутренний барьер, и попытался захватить цель. Судя по трупам, остаткам трупов, цель себя подорвала. Тело ребенка не обнаружено, следов смерти тоже. После устранения тел своих шиноби, принял решение возвращаться.

Все это время, казекаге сидел молча и терпеливо слушал. Шиноби постоянно норовил упасть, тянул некоторые слова и временами замолкал, но казекаге был терпелив. Ему нужно было составить полную картину всего произошедшего. Шиноби тем временем договорил, и вместе с последним словом качнулся чуть сильнее и упал. По его телу прошла судорога и он затих. Но казекаге это не волновало, вырисовывалась очень занятная картина, которая в ближайшем будущем может сильно ударить по авторитету деревни. Миссия провалена, а следы грязных делишек не убраны, стоит ждать писем от Узушио и Конохи с угрозами. Слишком грязно сработано. Каге решил прервать тишину, наступившую со смертью шиноби.

- Итак, старейшины. Миссия провалена. Генов Узумаки нам не видать. Трупы группы оцепления захвачены врагом. Скоро будем встречать либо послов Узушио и Конохи или ждать их послания. Ваши предложения.

Только один из старейшин было открыл рот, как его снова перебил каге.

- Как меня это бесит... - весь официоз тут же улетучился, такое каге себе позволял редко, очень редко, - Этот Хирузен теперь будет нас с говном мешать. Как же? На территории его деревни напали на жителей Узушио, замарав их честь и поправ их боеспособность. Ведь у них союз с Узушио! Тьфу! Сука! - не сдержался каге. Узушио и так закрыло все входы и выходы для мира в свое селение, а своего джинчурики не забрали из Конохи! Как же, союз ведь, сука, договор, блять! Вот и забирали бы тогда своего хвостатого, и сидели бы на своем острове. И толку-то от того, что закрылись? Показывают, как чтут старые договоры? Тьфу! Смотреть тошно! Уж Хирузен-то сто процентов обрюхатил бы джинчурики, не будь она сильнейшей куноичи деревни. А потом и в клане своем по кругу бы пустил, гребаный лицемер! - каге снова сорвался и стукнул кулаком по столу.

- Это политика, казекаге-сама, - вклинился один из старейшин.

- Вот и разбирайтесь с этим как хотите! Если на нас пойдут войной, все ваши головы слетят, если найдете выход, то только одна, найдем из вас козла отпущения. - припечатал каге. Ваша идея была усиливать кланы за счет Узумаки, вы и расхлебывайте!? А теперь, пошли вон.

Четверо старейшин молча встали и, поклонившись, вышли за дверь. Говорить с каге в такие моменты было опасно, тем более пытаться с ним спорить. Казекаге был скор на расправу.

В кабинете каге повисла гнетущая тишина. Он поставил локти на стол и уперся подбородком на сцепленные пальцы.

- Старые пердуны, заварили кашу, а мне теперь хлебай! - Потом, помолчав с минуту, каге добавил:

- За всеми четырьмя организовать слежку, отчет мне на стол каждый день. И приберись тут.

Исполнять.

В углу закружился вихрь песка и медленно осел, исчезнув также бесследно, как и труп шиноби, говоря каге о том, что его слова услышаны, и приняты к исполнению.

В кабинете лидера Конохагакуре но Сато тоже происходил отчет. В кабинете стоял Человек в сером плаще и в белой маске изображающей морду оскалившегося медведя. Напротив него возле стены сидел человек за деревянным столом. Он курил трубку с табаком, которая то и дело переваливалась из одного уголка рта в другой. В комнате было очень дымно, а вместе с дымом также сильно полыхало ки. Каге был не в восторге от произошедшего. Но они были не единственные в этом кабинете. Также там были еще два старика, женщина и мужчина, головы которых уже давно укрыла седина, и еще один человек, мужчина, он был ровесником каге, это был ни кто иной как Данзо Шимура, глава корня. А два старика являлись старейшинами. Также под потолком висели трое бойцов из анбу, являющиеся личной охраной хокаге.

- Докладывай, Медведь. – приказал каге.

- По прибытию на место столкновения было выявлено. Группа, отправленная для встречи посла из Узушио но Сато с его семьей была убита, как и сама семья. Команда в составе трех джонинов и девяти токубецу-джонинов обнаружила врага в засаде. Группа из четырех джонинов была ликвидирована с потерями, один джонин и три токубецу. Тела врага в количестве четырех штук обнаружены в укрытии. По следованию дороги к поселку были обнаружены следы схватки. Возле деревни обнаружен труп посла, причины смерти, травмы не совместимые с жизнью. В съёмном доме посла были обнаружены останки женщины, труп ребенка не обнаружен, следов нет. Предположительно враг взял ребенка в заложники. Поселок, в количестве девятиста шести человек уничтожен, следов мародерства не обнаружено, тел противника не обнаружено. Тела наших шиноби не тронуты.

- Кто был в составе группы сопровождения? – спросил каге.

Вопрос был двояким, но анбу-медведь, быстро сообразил, что имеет ввиду лидер.

- Двое Учих, один Хьюга, Сендзу и Нара, остальные не клановые.

Каге кивнул, потом глубоко затянулся и ослабил давление ки и медленно выдохнул дым.

- Свободен.

Медведь исчез в вихре шуншина из листьев дерева.

- Как в Узушио узнали раньше нас о нашем... упущении. – поправился Данзо подбирая слова.

- Призыв. – коротко пояснил каге.

- Теперь Узукаге нам мозг съест. – вклинился старик.

- Ест-то пусть ест! – пыхнул дымом каге, - Что мы будем делать, если они через три года не предоставят нам другой сосуд для девятихвостого? Это подумать только! На нашей же подконтрольной территории и так бездарно проворонить посла, это... это просто... - не найдя цензурного объяснения ситуации каге снова начал пыхтеть трубкой.

Данзо решил прояснить ситуацию.

- По моим данным, посол был шиноби S-класса, специализировался на барьерах и диверсионных вылазках. Его жена не была шиноби. Ребенок слишком мал. Для него проникнуть скрытно в страну тоже самое, что и выпустить рыбу в океан даже при наличие «груза» в виде семьи. Судя по всему, он успешно скрывался вместе с семьей до момента отправки нам письма о прибытии в поселок неподалёку от Конохи. И решил ослабить бдительность, что маловероятно, с его-то опытом. Второй вариант, его вели всю дорогу, и в поселке организовали засаду. С целью захвата или устранения. Хотя скорее всего посла на устранение а жену на развод, ребенка в приют и расти себе лояльного шиноби.

- Что будем делать? - прервала его размышления старуха, за что получила в свою сторону холодный взгляд главы Корня.

Каге немного помолчал, пару раз глубоко затянулся и выпустил дым.

- Организовать поиски выжившего врага, ребенка привести в Коноху живым и невредимым. И никакой наркоты! - добавил каге, - а то знаю я вас, накачаете ребенка и тащите себе тушку. А мне потом медики всю плешь проедают, что бойцам АНБУ наркоты девать некуда. Исполнять.

С потолка свалился шиноби и с преклоненным коленом возле стола каге исчез в шуншине.

- Кохару, Хомура, - обратился каге к старикам, - соблезнования кланам на вас, можете идти. Данзо, ты останься.

Старейшины поклонились и вышли. Хирузен продолжил задумчиво раскуривать трубку. По нему было видно, что он о чем-то усиленно думает, и принимает действительно важное решение. Через некоторое время табак в его трубке истлел. Он бережливо вытряхнул из трубки остатки в специальную посуду, стоящую рядом на столе, потом достав из ящика футляр и достав из него новую порцию табака, аккуратно набил его в трубку. Затем выщелкнул огонек из пальцев левой руки и снова раскурил трубку. Ничего так не помогало успокоиться Сарутоби Хирузену, как только выращенный его кланом табак.

- Кто? - спросил каге, глядя словно в никуда, у оставшегося главы корня.

- Песок. - лаконично ответил Шимура.

- Что будем делать? - проговорил каге.

- Останков ребенка мои бойцы не обнаружили. Поиски ведутся моими бойцами параллельно с бойцами АНБУ. Все анализы говорят о том что нападавшие были из песка. Также и несколько примененных техник говорит о том же. Если Узукаге все же прийдет посольство, нужно будет оказать им любую посильную помощь... в том числе и военную, если уж что. А там... если что и мы успеем лапу наложить.

Каге снова глубоко задумался, и его извечный друг и соперник ему в этом не мешал. Через несколько минут, когда каге докурил заправленный им табак, он заговорил снова.

- Значит так и поступим. Можешь идти.

Когда Данзо уже подошел к двери и поклонился, чтобы окончательно выйти, каге заговорил вновь.

- Данзо, и еще одно. Если ребенок обнаружится, то он не должен пропасть в недрах твоего обиталища. Он должен быть на виду, и у нужных нам людей, с правильной политикой.

Шимура лишь на секунду замер, что говорило лишь о том, что его каге, слишком хорошо его знает, чтобы делать подобные выводы. Взгляд его глаз лишь блеснул, сетуя тем самым об утрате очередной игрушки в его немалой коллекции. Поэтому он лишь кивнул и вышел за дверь.

Каге снова набил трубку табаком. Ему нужно было ещё многое обдумать, достаточно информации, чтобы сократить время отведенное на сон. Он каге, а это ко многому обязывает.

Как только я углубился по дороге в лес, и меня перестало мутить, а голова перестала отчетливо прорисовывать картинки останков людей в мельчайших подробностях, я решил сделать привал. Адреналин гулявший до этого в крови, уже достаточно утратил свое воздействие на организм, и от этого лучше чувствовать я себя не стал, отнюдь, теперь болело все тело. Сколько времени я шел, в этом шоковом состоянии, отследить возможности не было, по вполне понятным причинам. Но только сейчас до меня начало доходить, что же все-таки произошло.

Судя по всему, эта семейная пара, которая всевозможными способами пыталась сохранить жизнь моей тушке, была достаточно влиятельными людьми. Что и привело врагов к попытке захвата их отпрыска, то есть меня. Только тогда непонятно, зачем нужно было устранять их, в смысле родителей? Кого тогда шантажировать? С кого требовать выкуп? Если заинтересованные в этом люди мертвы. Возможно, что эти родители, в том числе и я, имеют еще родственников, которые в этом будут заинтересованы не меньше. Слишком мало информации я получил. Хотя вынужден признать, зрелище получилось крайне впечатляющим.

Что меня привело на мысли, что эти люди были моими родителями? Все очень просто, у меня тоже были волосы ярко красного цвета, хоть это и ни о чем не говорит, и ничего не доказывает. Но благодаря увиденному, вполне можно предположить. Что я по отношению к ним испытываю? Да вроде бы ничего... Я их видел-то в «своей», хоть и новой, жизни от силы пять минут, живыми, а потом судьба мне слава всем местным богам не дала с ними возможность наладить более близкое общение, в местном чистилище. И на том спасибо. Жалко их конечно, но судя по всему, реалии местного мира тут на уровне шестнадцатых – семнадцатых веков. Кто сильнее, того и тапки. Почему другой мир? Все очень просто. В своем, я что-то не наблюдал людей, которые дышат огнем, мимоходом швыряются двухметровыми кусками земли и с таким же успехом швыряются молниями, и самое главное, не взрываются. Мир этот, явно более суров, и мне, как ребенку, пока, это будет выполнить крайне трудно. Не зная местных реалий, не имея должной опеки и средств к выживанию. Единственное, что сейчас меня волновало, это то, как долго мне еще предстоит идти, прежде, чем я столкнусь с людьми. И нужно молиться всем богам, чтобы люди эти оказались менее... кровожадными.

Немного придя в себя, и сложив в голове более-менее четкую картинку происходящего, я решил идти дальше. Боль в теле, накатывала иногда волнами и шарахала по голове ощутимыми уколами, хотя она и так болела немилосердно. Сцепив покрепче зубы, я просто шел. Лес, который был вокруг, был мягко говоря необычен. Деревья просто исполинских размеров, в толщину метра четыре, если не все пять, а их макушку было вообще не разглядеть. Нет, конечно видно, что где-то там в вышине есть ветки и листва, но все же очень уж они высоко. Явно выше привычных мне шестнадцатизэтажных домов города. По идее, ничего удивительного, ну дерево, ну большое, в этом нет ничего такого уж сверх естественного. Хоть и они тут

поголовно, или по шапочно, все огромные. В целом, местная флора меня мало заботила, деревья вроде не плотоядны, хотя и подтвердить это, на данный момент, я не могу, сколько фауна. Если тут деревья такие, то местные хищники, меня могут очень неприятно удивить. Хотя судя по усердно утоптанной дороге, иногда и со следами следов от колес, тут это дело отслеживается, наверное, очень хочется мне на это надеяться.

Идти становилось тяжелее и тяжелее, да и сил уходило на передвижение крайне много. Казалось бы, идешь-идешь, оборачиваешься, а сколько прошел непонятно, все деревья как под копирку, а других ориентиров нет. Потом я решил начать считать деревья с краю дороги, чтобы хоть как-то отвлечься от боли. Когда я досчитал до трехсот, вечер уже открыто заявлял свои права на власть. Мне пришлось искать место для ночлега. Мудрствовать я не стал, от слова совсем. В корнях деревьев даже намек на веточку не было, словно тут кто-то все бережно убирал, а дальше углубляться было как-то не комильфо. Тут и так непонятно сколько прошел, пока считать не начал, а если уж заплутаешь в лесу «одинаковых» деревьев, то точно будет дело швах. В общем, нашел я недалеко от дороги холмик метр на метр, свалил на нем высокую траву в кучу и брыкнулся спать. Вырубило меня тут же, даже вздохнуть не успел.

А утро меня просто несказанно обрадовало. Если можно так сказать, хотя можно, если вы мазохист какой-нибудь. Вся гамма ощущений, которая была мне спутником вчера, теперь была усугублена «превосходно» проведенной ночью на сырой земле. Роса, лес, слов и эмоций море, а слово которое может описать всю эту палитру только одно, на «П» которое. Вставать было крайне тяжело, любое неосторожное движение, и тут же, на, получи фашист гранату, потом это все быстренько катит к голове, и что же тут? На, вечерний, или утренний, ЗВОН-Н-Н! Короче, слово на «П», быстренько сообразило, что, одному ему не справиться, и позвало своих товарок. Отборный русский мат, в течении минут двадцати наверное, сотрясал утренний лес. Выходя на дорогу, я кряхтел как старый дед, хотя почему как? Скорее уж помолодевший дед, но факт остается фактом. Мерно перебирая ногами, не забывая при этом считать пройденные деревья, под залиvistые завывания и кваканья моего желудка, я брел по дороге. Брел, и размышлял.

Скорее всего, мне предстоит играть роль маленького ребенка. Хотя, в принципе, это и так понятно, дабы сохранить инкогнито своего сознания внутри детского тела, эта мера просто необходима. Ну и собственно выжить, хотя, в меру минувших событий, нужно приложить к этому не мало усилий.

На четыреста шестьдесят втором дереве, на горизонте леса впереди, начал брезжить просвет. Это говорило лишь о том, что лес заканчивается, как и силы к передвижению. И что меня там ждет, не понятно.

<http://tl.rulate.ru/book/14486/283075>